

## РУССКАЯ ИДЕЯ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

А.А. Островская, Г.Л. Терехова

*Кафедра «История и философия», ГОУ ВПО «ТГТУ»;  
hist@nnn.tstu.ru*

*Представлена членом редколлегии профессором В.И. Коноваловым*

**Ключевые слова и фразы:** искусство; рациональность; религия; русская идея; русская философия истории и культуры; свобода; христианство.

**Аннотация:** Рассмотрена проблема русской идеи, которая является одной из центральных проблем русской философии истории и культуры. Актуальность данной темы очевидна и сегодня. Исследуются древние летописи о князе Владимире, идеи русских философов XIX века (П. Чаадаев, А. Хомяков, А. Герцен) и современных.

---

Со времен Петра и по сегодняшний день Россия ищет путь, по которому она могла бы развиваться. Эта тема становится одной из центральных в русской философской мысли XIX века. Философская мысль этого времени в основном отличалась секулярностью, то есть была отделена от религиозного влияния, поэтому забыла о том, что путь свой Россия уже выбрала. Великая княгиня Ольга привела Русь к светлomu пути – православию. Бывший прежде язычником, Владимир осуществил это на деле. За двадцать пять лет своего христианского правления Владимир не только осуществил внешнюю христианизацию Руси, но всеми силами старался воплотить евангельское откровение в каждодневной жизни своего народа. Летопись 996 г. сообщает, как Владимир порывался буквально выполнить евангельский завет любви, милосердия и нищелюбия: «Бе бо любя словеса книжная. Слыша бо единою еуангелъе чтомо: блажени милостивии, яко ти помиловани будутъ, и паки (ряд текстов)... си слыша, повеле всякому нищему и убогому приходитьи на двор княжъ и взимати всяку потребу – питье и яденъе и от скотъниц кунами (то есть из казны монетой). Устрои же и се рек: Яко немощнии и больнии не могут долезти Двора моего – повеле пристоиити кола (то есть телеги) и въскладше хлебы, мяса, рыбы, оwoшь разноличный, мед в бчелках, а в других квас, возити по городу, въпрошаючи: где больний и нищ, не могу ходити? Тем раздаваху на потребу» [2, с. 67].

Автор «Очерков по истории русской церкви» А.В. Карташев считает, что между примером св. Владимира и возможностью «подражания ему» в наше время лежит бездна в глубоком различии эпох. По его мнению, лишь наивные люди, ожидающие в наши дни реставрации патриархальной теократии, могут мечтать пытаться повторить буквально то, что уже неповторимо в силу безвозвратности совершившейся исторической эволюции. Вопрос социальной справедливости сейчас все равно решается и будет решаться независимо от церкви на позитивных началах рационалистической культуры.

На наш взгляд, мышление русской интеллигенции, начиная от Петра и по сегодняшний день, всегда отличалось тем, что страдало излишней западноевропейской рациональностью. Русская философия существовала и во времена Владимира, прошла этапы средневековья, просвещения, но не была настолько рационализирована, выхолощена. Слово русское было живое, насыщенное красками, эпитетами, оно приобщало к Истине и, по мнению первого просветителя славян, создателя славянской письменности Константина-Кирилла Философа, являлось целителем всех болезней души.

После Петра I секулярная мысль, отделенная от православного мировоззрения, познакомившаяся с европейской рациональностью и соединенная с достижениями науки, ставит проблему, которой прежде не существовало. Проблема пути развития России как выбор между западноевропейскими ценностями и восточными появилась как раз вследствие развития этой секулярности, так как светское общество и наука уже потеряли преемственность с русской религиозной духовной практикой. Впервые в рамках светской мысли эта проблема была поставлена Чаадаевым и нашла свое продолжение в трудах славянофилов и западников, а также в трудах более поздних представителей русской философии (Вл. Соловьев, Н. Бердяев, В. Розанов и др.).

Для А.И. Герцена, ориентировавшегося в начале своих идейных поисков на западноевропейскую культуру, проблема пути развития России стала делом всей жизни. Испытав на себе влияние гегелевской философии, Фейербаха, а также идей Сен-Симона о новом христианстве, он приходит к мысли о том, что история есть движение человечества к освобождению и «себяпознанию». Его философия призывает к социальной свободе также на рационалистических началах.

Славянофильство же, определяя свободу, опирается на православное мировоззрение. Хомяков А.С. движение истории связывает не с прогрессом свободы, а с ее утратой, правда до определенного периода, а именно до того момента, когда идеал соборности воплотится в жизнь [4]. В своих богословских трудах он обращается к посланию Павла галатам, призывающего только к той свободе, которая не стала бы поводом к угождению плоти, а принесла бы в сердце людей любовь. Этим апостольским заветом руководствовался Хомяков в своей экклезиологии (учении о Церкви), когда писал, что люди должны завершить через Церковь соединение земли с небом. Свобода человека сохраняется в Церкви по той причине, что в Церкви человек находит себя не в бессилии своего духовного одиночества, а в силе своего духовного искреннего единения со своими братьями, со своим Спасителем.

Хомяков напоминает, что человек пал по собственной воле, но подняться своими силами не может. Греховная склонность человека, как плод его свободной воли, осталась в его природе и после искупления. Предоставленный своей воле искупленный человек все равно не может воспользоваться предоставленными ему правами и перевоспитать свою волю по закону любви. Для достижения этой цели ему нужны сверхъестественные силы, и они даны ему в Церкви. Всем своим сердцем приняв христианские православные идеи, Хомяков акцентирует внимание на том, что «...любовь есть жизненная сила и в то же время венец и слава Церкви, и потому человек, став членом Церкви, получает от нее новый смысл и новую жизнь» [4, с. 117].

Возвращаясь к Герцену, нельзя сказать, что в нем никогда не было религиозной веры. Читая «Былое и думы», узнаешь, что с детства он познакомился с Евангелием, читал Его много и с любовью, к сожалению, не только по-славянски, но и в лютеровском переводе. В 1838 году Герцен с друзьями начинают положительно относиться к молитвам и посещению церкви. В вятской ссылке на него оказывает влияние известный русский зодчий Витберг, склонный к мистицизму, от которого впоследствии Герцен отойдет.

В ранних произведениях Герцен различает церковную жизнь и веру, что является проявлением его секулярной жизни, и что является характерной чертой многих наших современников. В работе «О месте человека в природе» Герцен писал, что «первая мысль чиста, высока», «но последователи, часто сбивающиеся с начального пути, доходят до несообразностей» [1, с. 21]. В «Лицинии» герой мучается тайной Логоса, в нем все – «идея, событие, иероглиф, связь мира и бога» [1, с. 189]. А Вильям Пен в одноименном произведении проповедует истину евангельского слова, идеи, стремясь примирить их с жизнью. Первоначальное христианство являлось для Герцена символом обновления мира, но и сен-симонизм, не ведающий истинного христианства, становится для него новой религией и новым путем преобразования этого мира. Как видим, секулярность и отсутствие духовной религиозной практики у Герцена не давало ему возможности правильного истолкования христианских идей и приложения их в личной и социальной жизни, что привело его, на наш взгляд, к нравственной трагедии.

Уже в сороковые годы XIX столетия он приходит к материалистической философии, следствием которой стал разрыв с религией и даже с верующими друзьями. На смену приходят новые средства – наука и искусство. После падения религиозного мировоззрения Герцен обращается к философии Гегеля, которая заполняет у него образовавшуюся пустоту.

Герцен обращает свои взоры к западноевропейской цивилизации, считая ее эталоном человеческой культуры. Но, переехав в Париж и пережив там июньские дни 1848 года, Герцен доходит до отчаяния и его вера в провиденциализм и деятельность в истории абсолютного духа разрушается. Он сравнивает Запад с Древним Римом периода упадка, становясь свидетелем этого упадка, приобретшего форму революционных восстаний в Италии и Франции. Его личная трагедия и трагедия общества вызывают в нем сомнения в закономерности исторического бытия. Произведение Герцена «С того берега» является итогом его размышлений о революции 1848 года, а в главе «*Omnia mea mecum porto*» он сообщает о смерти Европы, разрушении иллюзий, о боли и разочаровании, а также об обветшании системы христианской морали. Претерпев серьезные жизненные невзгоды, сильнейшую идейную трансформацию, Герцен так и не нашел ни в чем ни теоретической, ни духовной опоры. Пожалуй, только искусство вызывало в нем надежды, о чем он пишет в письме к старшей дочери Наталье.

После европейских революций в Герцене разрушается романтизм и идеализм, а также вера в европейскую непрерываемость. Он признает, что наше незнание западного человека может привести ко многим бедам, в частности, к племенной ненависти и кровавым столкновениям. С удивлением Герцен замечает, что вообще западные люди не соответствуют нашему понятию о них, что они гораздо ниже его. Пожалуй, самым положительным последствием событий 1848 года для наших соотечественников стало возвращение своих помыслов к России и изменение их мнения об историческом прогрессе. Понимая, что к власти идет третье сословие – мещанство, которое пробралось во все тайники семейной и частной жизни и которое становится окончательной формой западной цивилизации, «ее совершенстволетием», Герцен своим главным делом наконец-то считает познакомить Европу с Русью.

Для славянофилов ориентирами русской культуры становятся принципы русского православия, которые оцениваются как критерии самобытного развития нации. Хомяков ставит перед собой задачу – убедить интеллигенцию в том, что она увлеклась ложными доктринами. Он обвиняет образованное общество в несправедливом презрении к народу, в спокойном отношении к мерзости крепост-

ничества, в рабской подражательности Западу. Настолько очевидна сегодня эта проблема: современная интеллигенция болеет многими западноевропейскими и восточными идеями, пытаясь реализовать их в своей личной жизни и в социальной действительности, на деле же не получая позитивного результата.

Социальное развитие России должно пойти, на взгляд Хомякова, по пути соборности, где последняя есть общность людей, свободных от антагонизма, объединенных верою в православные ценности, гарантирующие цельность личности и соборность познания. Соборность – это примирение в христианской любви свободы каждого и единства всех. Понятие соборности включает также мысль о несостоятельности западноевропейского просвещения с его культом рационализма, индивидуализма и индустриального прогресса.

Соборность подразумевает оцерковление социальной жизни. Общество, чтобы быть соборным, должно восстановить атрибуты первохристианской апостольской церкви начала новой эры. Приоритет России в этом плане как раз основывается на том, что православие является единственным христианским вероисповеданием, сохранившим идею соборности. В России сохранился и материальный аналог соборности – община, древний славянский институт, обладающий силой морального единения людей и предохраняющий их от эгоизма.

Сегодня из-за рубежа к нам приходят призывы забыть о русской идее, отвлечься от нее как от устаревшей затеи. Американский славист Дж. П. Скэнлан рекомендовал нам избавиться от «невроза уникальности», которым мы якобы страдаем. А что такое русская идея? Хотелось бы ответить словами все того же Хомякова: древние формы жизни русской «были основаны на святости уз семейных и на неиспорченной индивидуальности нашего племени (об этой чистоте и вспомнил Герцен, устав от Запада)». «На нашей первоначальной истории не лежит пятно завоевания. Кровь и вражда не служили основанием государству русскому, и деды не завещали внукам преданий ненависти и мщениия. Церковь, ограничив круг своего действия, никогда не утрачивала чистоты своей жизни внутренней и не проповедовала детям своим уроков неправосудия и насилия» [3, с. 128]. Все это Хомяков называет выгодами неисчислимыми перед Западом.

Конечно, не все в России благополучно, но сегодня, «попробовав» восточные практики и западноевропейские рецепты, русский народ снова вспомнил, что корни его православные, а вышеупомянутые практики не привели нашу культуру к единению народов и мирной, спокойной жизни. Справедливо отмечает А.В. Гулыга, что за годы советской власти и особенно после распада страны поставлены на грань выживания: народ, образующий государство, униженный у себя дома, часть нашего народа, подвергающегося дискриминации за рубежом (более 20 млн человек). Поэтому «...русская идея зовет к возрождению исторической памяти и обеспечению духовного развития России» [3, с. 24].

#### *Список литературы*

1. Герцен, А.И. Собр. соч. В 30 т. Т. 1 / А.И. Герцен. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1954. – 574 с.
2. Карташев, А.В. Очерки по истории русской церкви. В 2 т. Т. 1 / А.В. Карташев. – М. : Терра, 1992. – 685 с.
3. Русская идея : сб. произведений рус. мыслителей / сост. Е.А. Васильев ; предисл. А.В. Гулыги. – М. : Айрис-пресс, 2004. – 512 с.
4. Хомяков, А.С. Собр. соч. В 2 т. Т. 1 / А.С. Хомяков. – М. : Моск. филос. фонд : Медиум, 1994. – 589 с.

## Russian Idea: Past and Present

A.A. Ostrovskaya, G.L. Terekhova

Department "History and Philosophy" TSTU;  
hist@nnn.tstu.ru

**Key words and phrases:** art; Christianity; freedom; rationality; religion; Russian idea; Russian philosophy of history and culture.

**Abstract:** The article focuses on the problem of Russian idea, which has been one of the central problems of Russian philosophy of history and culture. The importance of this theme is obvious even today. The article investigates the ancient annals about Prince Vladimir, the ideas of Russian philosophers of the XIX century (P. Chaadaev, A. Homjakov, A. Herzen) and the ideas of modern philosophers.

---

## Russische Idee: Vergangenheit und Gegenwart

**Zusammenfassung:** Die Aufmerksamkeit ist auf das Problem der russischen Idee, die eine der zentralen Problemen der russische Philosophie der Geschichte und der Kultur ist, akzentiert. Die Aktualität dieses Thema ist und heute klar. Es werden die alte Chronik über den Fürst Wladimir, die Ideen der russischen Philosophen des XIX Jahrhunderts (P. Chaadaev, A. Homjakov, A. Herzen) und die Ideen der modernen Philosophen untersucht.

---

## L'idée russe: le passé et le présent

**Résumé:** Est accentuée l'attention sur le problème de l'idée russe qui reste un des problèmes centraux de la philosophie de l'histoire et de la culture russe. L'actualité de ce sujet est évident aujourd'hui. Sont étudiés les annales anciens sur le prince Vladimir, les idées des philosophes russes du XIX-ème siècle (P. Tchaadaev, A. Khomiakov, A. Herzen) ainsi que les idées des philosophes contemporains.

---

**Авторы:** *Островская Анна Александровна* – студентка, гр. СА-32; *Терехова Грета Леоновна* – доцент кафедры «История и философия», ГОУ ВПО «ТГТУ».

**Рецензент:** *Медведев Николай Васильевич* – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой «Философия», ГОУ ВПО «ТГУ им. Г.Р. Державина» .

---